

Каримов Артур Равилевич

КОНТЕКСТУАЛИЗМ, СКЕПТИЦИЗМ, ПРАГМАТИКА

Предметом анализа в данной статье является эпистемический контекстуализм в формулировке К. ДеРоуза. Выявляются его истоки в теории П. Унгера, определяются его основные положения. Анализируются конкретные примеры, где контекст определяет условия истинности предложений, содержащих эпистемическую модальность "знать". Выявляется связь эпистемического контекста с языковой прагматикой. Эпистемический контекстуализм рассматривается как возможный путь преодоления радикального скептицизма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/17.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 71-76. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Желание студентов более активно общаться и сотрудничать с профессорско-преподавательским коллективом не получило достаточного развития. Этому способствует как установка преподавателей заниматься воспитательной работой главным образом в рамках регламентированного учебного процесса, так и пассивное поведение студентов. Еще со школы учащиеся практически не получили опыта самоуправления, привыкли, что большая часть инициатив идет от преподавателей, и, будучи студентами, ожидают, что будут вовлекаться ими в общественную жизнь вуза. Не способствует более тесному сотрудничеству преподавателей и студентов равнодушное отношение большей части последних к учебе.

Все это указывает на проявление тенденции размывания университетской культуры, ослабления внутренних социальных связей, усиления проявлений потребительского поведения студентов, противостояния между прагматизмом и корпоративизмом.

Университеты являются старейшими социальными институтами, сумевшими адаптироваться ко многим радикальным изменениям в социумах и при этом сохранить свою уникальную корпоративную культуру, воспитав на ней не одно поколение студентов. Все это позволяет надеяться, что и сегодняшние проблемы, связанные с восприятием организационной культуры, студентами будут преодолены.

Список литературы

1. Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент. М.: Гардарики, 1998. 527 с.
2. Капитонов Э. А., Зинченко Г. П., Капитонов А. Э. Корпоративная культура: теория и практика. М.: Альфа-Пресс, 2005. 351 с.
3. Кузьминов Я. И., Юдкевич М. М. Академическая свобода и стандарты поведения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/data/294/995/1240/342.pdf> (дата обращения: 24.04.2013).
4. Черных Е. К. Корпоративная и организационная культура – синонимы или разные понятия? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.corpculture.ru/content/korporativnaya-i-organizatsionnaya-kultura-sinonimy-ili-raznye-ponyatiya> (дата обращения: 24.03.2013).
5. Шейн Э. Организационная культура и лидерство / пер. с англ. С. Жильцова, А. Чех. СПб.: Питер, 2002. 328 с.
6. Яблонскене Н. Л. Корпоративная культура современного университета // Университетское управление. 2006. № 2 (42). С. 7-25.

STUDENTS' PERCEPTION OF UNIVERSITY CORPORATE CULTURE

Karel'skaya Lyudmila Petrovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
South Federal University
ludakarel@gmail.com

The author considers the problems concerning corporate university culture formation among students, and basing on the analysis of a sociological survey shows that due to the functioning inefficiency of the existing mechanisms of students' inclusion into the university environment the crisis of traditions continuity is in process, there is a weakening of internal social relations, the violation of behaviour norms, and as a result the tendency to the erosion and reduction of students' perception of university culture is formed.

Key words and phrases: university corporate culture; students; values and beliefs; social relations; norms of behaviour; team spirit.

УДК 165.7

Философские науки

Предметом анализа в данной статье является эпистемический контекстуализм в формулировке К. ДеРоуза. Выявляются его истоки в теории П. Унгера, определяются его основные положения. Анализируются конкретные примеры, где контекст определяет условия истинности предложений, содержащих эпистемическую модальность «знать». Выявляется связь эпистемического контекста с языковой прагматикой. Эпистемический контекстуализм рассматривается как возможный путь преодоления радикального скептицизма.

Ключевые слова и фразы: эпистемология; контекст; эпистемический контекстуализм; инвариантизм; скептицизм; прагматика.

Каримов Артур Равилевич, к. филос. н.

Казанский (Приволжский) федеральный университет
anthropology.ksu@mail.ru

КОНТЕКСТУАЛИЗМ, СКЕПТИЦИЗМ, ПРАГМАТИКА[©]

Эпистемический контекстуализм (ЭК) является одним из дискуссионных направлений в современной эпистемологии. В целом, понятие контекста является междисциплинарным. И. Т. Касавин выделяет различные

типы контекстов: в философии – в герменевтике, аналитической традиции, а также в психологии, социальной антропологии, лингвистике [4, с. 5-17]. В данной статье предметом исследования является ЭК в современной эпистемологии, который формулируется, прежде всего, в трудах К. ДеРоуза (DeRose) [10; 11]. Этот вариант контекстуализма достаточно широко обсуждается в англо-американской философии: десятки статей, коллективная монография [9], статья в энциклопедии [14, р. 523-535]. В то же время в отечественной философской литературе это направление не получило достаточного освещения. Кроме упомянутой статьи Касавина, прямо или косвенно к анализу контекстуальности также обращаются Ю. А. Лисина [5, с. 28-32], Е. В. Вострикова [2, с. 99-115], Э. А. Тайсина [7, с. 131-142], А. М. Галиева [3, с. 124-132]. А. Ю. Антоновский в своей статье рассматривает семантический контекстуализм на примере контекстов Геттэ [1, с. 101-118]. Однако, за исключением Ю. А. Лисиной, эпистемический контекстуализм у этих авторов не является основным предметом анализа. Между тем П. Лудлоу (Ludlow) связывает с этой теорией «новый лингвистический поворот в эпистемологии» [13, р. 11]. Данная статья развивает и дополняет исследования ЭК у Касавина и Лисиной. Цель статьи в том, чтобы привлечь внимание отечественных философов к дискуссии вокруг данного направления.

Большинство эпистемологов полагают, что у нас есть объективные (правильные) ответы на вопросы: «что такое знание?», «возможно ли знание?» и т.д. Естественно, философы различаются в том, какой ответ они считают правильным. Реалисты и антиреалисты, релятивисты и скептики – все они дают разные ответы на эти вопросы, но их объединяет то, что все они считают, что на данные вопросы имеется (один) правильный ответ. Как пронизательно отмечает Э. А. Тайсина: «Философия никогда не откажется от плюрализма и толерантности <...> Однако наряду с этим и вместе с этим философы никогда не будут говорить и писать “плюралистично” в принципе, “в принципе” толерантно терпеть чуждые взгляды оппонентов: те всегда будут для нас неверными, и максимум, на что мы способны, это – либо выказать толерантность из соображений вежливости, либо стать эклектиками. Если философ заговорил – значит, он уверен в своей правоте. Если он вступает в спор – значит, желает отточить свою мысль и утвердить позицию. Одну. Правильную. Свою» [6, с. 263]. Возможен ли в философии путь, избегающий принятия какой-то одной позиции, не являющийся эклектикой? Именно на это претендует, на наш взгляд, ЭК.

Считается, что впервые термин контекстуализм в интересующем нас смысле использовал П. Унгер (Unger) в [15]. Унгер полагает, что объективного ответа на некоторые традиционные вопросы не существует. Любой ответ на поставленный вопрос обусловлен сетью предпосылок, которые принимает тот или иной философ, и этот ответ дается относительно этих предпосылок. Однако выбор между этими предпосылками не является объективно обусловленным. Эту ситуацию Унгер называет философской относительностью. Анализируя причины философской относительности, Унгер указывает на семантическую относительность терминов, используемых в ходе рассуждения. Семантическая относительность означает, что термин не имеет фиксированного значения, а его значение зависит от набора предпосылок, которые принимаются при той или иной семантической интерпретации.

Согласно терминологии П. Унгера, в семантической интерпретации терминов может быть два подхода: инвариантизм и контекстуализм. Проанализируем значение термина «ровный» в высказывании: «Это поле для крокета является ровным». По стандартам неопытного игрока поле может считаться достаточно ровным, однако с точки зрения стандартов профессионального игрока, оно может вовсе не быть таковым. Для последнего даже небольшие неровности могут быть помехой для проявления профессионального мастерства, тогда как для первого эти неровности могут быть вовсе не заметны. Поэтому истинными будут оба высказывания: «Это поле является ровным» (по стандартам непрофессионального игрока) и «Это поле не является ровным» (по стандартам профессионала). С точки зрения контекстуализма, семантика термина «ровный» является сложной и обязательно включает отсылку к определенным стандартам. С точки зрения инвариантизма, семантика термина «ровный» будет достаточно простой и определенной, так что можно определить истинность выражений, в которые входит этот термин, без отсылки к контексту употребления. Существует некое абсолютное понятие «ровности», и вещь либо соответствует этому понятию, либо не соответствует. В то же время, инвариантист может соглашаться с тем, что для кого-то значение предложения может быть контекстуально зависимым. В таком случае, он может различать то значение, которое предложение имеет «само по себе» (sentence meaning), и то, значение, которое имел в виду говорящий (speaker meaning), т.е. разделять импликацию и экспликацию. В вышеприведенном примере инвариантист может соглашаться, что говорящий хотел сказать «Это поле является ровным для меня (профессионала/любителя)», но при этом выражение, которое он фактически сказал («Это поле ровное»), взятое «само по себе», вне определенного контекста, может быть истинным или ложным.

Очевидно, что выражения «здесь», «сейчас» и т.п. контекстуально зависимы. В то же время существуют выражения, которые, по-видимому, не зависят от контекста употребления, например, «трансформаторная будка». Проблемными являются именно «пограничные» случаи. К таким примерам относится глагол «знать». Отличие этого глагола от других заключается в том, что он требует пропозиционального содержания, а именно представляет собой эпистемическую модальность. Традиционно рассматривается отношение термина «знать» к пропозициональному содержанию высказывания. Возьмем, к примеру, высказывание «Я знаю, что я являюсь сыном своих родителей». Если спросить, является ли данное суждение истинным, то необходимо установить соотношение моего знания к определенному факту. Я могу сказать, что я знаю, что являюсь сыном своих родителей, потому что я похож на них, наследую их черты характера, и прошел тест ДНК на родство. Скептик может возразить, что я не могу знать, являюсь ли я сыном своих родителей, поскольку я мог быть усыновлен, черты характера не унаследованы, а приобретены в ходе воспитания, и тест ДНК имеет погрешность, в которую я как раз мог попасть. Т.е. я и скептик расходимся в оценке того, какое отношение имеет мое высказывание к тому, что в нем утверждается. С точки зрения контекстуализма, мой

спор со скептиком не выявляет эксплицитно третью сторону, а именно того, кто приписывает знание субъекту. Ведь весь спор и заключается в том, что скептик не склонен приписывать мне знание о чем-то, тогда как я сам склонен приписывать себе это знание. С точки зрения контекстуализма, проблема не только в отношении моего высказывания о знании чего-то к реальности, но и в том, кто устанавливает это отношение и в соответствии с какими стандартами. В этом смысле корни эпистемического контекстуализма уходят к теории языковых игр Л. Витгенштейна и концепции языковых каркасов Р. Карнапа.

Согласно ДеРоузу, условия истинности предложений вида «*S* знает, что *p*» или «*S* не знает, что *p*» варьируются в зависимости от силы эпистемического контекста. «*S* знает, что *p*», если он находится в достаточно обоснованной эпистемической позиции, чтобы утверждать, что *p*, где «достаточность» зависит от контекста, т.е. «достаточно для эпистемического стандарта *N*». ДеРоуз исследует проблему на примере кейса «Банк»:

Кейс «Банк» А. Мы с женой возвращаемся домой в пятницу вечером на автомобиле и планируем заехать в банк, чтобы погасить чек. Проезжая мимо банка, мы видим, что внутри длинная очередь. Обычно мы оплачиваем чеки сразу, но в данном случае нет необходимости оплатить данный чек сегодня, поэтому я предлагаю ехать домой и оплатить чек в субботу утром. Моя жена говорит: «Возможно, завтра банк будет закрыт. Многие банки не работают по субботам». Я отвечаю: «Я знаю точно, что он будет открыт. Я был там две недели назад. Они работают по субботам до обеда».

Кейс «Банк» Б. Мы с женой возвращаемся домой в пятницу вечером на автомобиле и планируем заехать в банк, чтобы оплатить чек. И так же, как и в случае А, проезжая мимо банка, мы видим, что внутри длинная очередь. Я предлагаю оплатить чек в субботу, мотивируя тем, что я был в этом банке всего две недели назад в субботу, и он был открыт до обеда. Но в данном случае мы только что выписали важный чек на очень большую сумму. Если не положить деньги на счет до понедельника, то предъявителю чека будет отказано в выплате, и мы окажемся в очень неприятной ситуации. И, конечно же, банк не работает по воскресеньям. Жена напоминает мне обо всем этом. Она также говорит: «Банки меняют часы работы. Откуда ты знаешь, что банк будет открыт завтра?» Имея ту же степень уверенности, что банк будет работать в субботу, как и в случае А, я, тем не менее, отвечаю: «Нет, я не знаю. Пойду уточню» [10, р. 913-914].

ДеРоуз отмечает, что когда я утверждаю 1) в случае А, что «я знаю, что банк будет открыт в субботу», и 2) в случае Б, что «я не знаю, что банк будет открыт в субботу», то в обоих случаях, по-видимому, я утверждаю истинное суждение. Почему же я склонен приписывать себе знание в случае А и отрицать его в случае Б? Ведь в обоих случаях я опираюсь на те же факты. Нельзя сказать, что в случае А мое знание является более обоснованным, чем в случае Б. Между случаями А и Б существует разница лишь в эпистемическом контексте, а именно:

1) в случае Б для меня безразлично, окажусь я правым или нет. От того, будет ли открыт банк в субботу, многое для меня зависит. Тогда как в случае А оказаться правым для меня не так уж важно;

2) в случае Б предполагается некоторая возможность, а именно, что банк мог поменять часы работы. Поскольку я не могу знать, что за последние две недели банк не поменял часы работы, то я не могу отклонить такую возможность;

3) в случае Б рассмотрение возможности, описанной в п. 2, вкупе с ситуацией, описанной в п. 1, приводит меня к утверждению о том, что я не знаю, будет ли банк открыт в субботу;

4) в случае А возможность, описанная в п. 2, не рассматривается, поскольку в ситуации, описанной в п. 1, нет необходимости непременно отклонить такую возможность.

Таким образом, эпистемический контекстуалист, анализируя эти оба кейса, основываясь на рассуждениях п. 1-4, будет утверждать, что в обоих случаях субъект оказывается правым, поскольку истинность утверждений «я знаю, что банк будет открыт в субботу» в случае А и «я не знаю, что банк будет открыт в субботу» в случае Б зависит от эпистемических стандартов. В случае Б я требую соответствия моего знания более сильному стандарту.

Эпистемический инвариантист, напротив, будет отрицать значимость эпистемического контекста и утверждать, что субъект прав только в одном случае: А либо Б, не в обоих сразу. В эпистемологии эти позиции представляют, соответственно, релейабиллизм и скептицизм. Релейабиллист, анализируя оба кейса, скажет, что в случае А субъект имел достаточно надежные основания для своего знания, и будет отрицать необходимость рассмотрения всех возможных ситуаций, при которых он мог бы оказаться неправ. Скептик же будет утверждать, что субъект прав в случае Б, отрицая у себя знание, так как он не может исключить из рассмотрения все возможные альтернативы. Более того, скептик задирает эпистемические стандарты еще выше – настолько высоко, насколько это возможно, чтобы исключить такие возможности, как, например, что мир был создан секунду назад, или мы все являемся «мозгами в бочке» и т.п.

Какими же преимуществами обладает ЭК? Фактически мы уже привыкли выделять различные виды эпистемических стандартов: обыденный, научный, философский. Внутри научных стандартов можно выделить стандарты математических наук (логическая непротиворечивость, дедуктивная выводимость), естественных наук (экспериментальная подтверждаемость, предсказание новых объектов), социальных наук (статистическое обобщение), гуманитарных наук (опора на текстовые источники, сравнительный анализ и т.д.).

ЭК совместим с фундаментализмом, или *JTB*-теорией (*justified true belief*), т.е. восходящему к платоновскому «Тэтету» определению знания как обоснованного убеждения. ЭК позволяет сохранить критерий обоснованности знания, но релятивизирует его относительно определенного эпистемического стандарта. ЭК также совместим с когерентизмом. В этом случае эпистемические стандарты будут определять степень необходимой согласованности совокупности знаний.

Что касается скептицизма, то его позиции, несмотря на многочисленные попытки опровержения, остаются достаточно сильными. Однако согласиться с тем, что мы ничего не знаем, нам мешает естественное для человека, по Аристотелю, стремление к познанию. Радикальный скептицизм ведет к философскому самоубийству. С точки зрения ЭК, успех скептицизма состоит в том, что ему удавалось выдавать скептический стандарт знания за универсальный, и как только оппонент принимал предложенные правила игры, скептик вынуждал его согласиться со своей позицией.

Аргумент радикального скептика можно свести к следующему рассуждению. Пусть СГ означает какую-нибудь скептическую гипотезу, например, что мы все «мозги в бочке». Пусть О означает любое обыденное высказывание, которое мы делаем каждый день и считаем истинным, например, «Сейчас я набираю текст на компьютере», тогда:

1. я не знаю, что не-СГ;
2. если я не знаю, что не-СГ, то я не знаю, что О;
3. следовательно, я не знаю, что О.

Традиционно критики скептицизма пытались отрицать либо п. 1, либо п. 2. ЭК предлагает альтернативный подход к критике скептицизма. Дело в том, что скептицизм молчаливо меняет стандарты рассуждения по ходу рассуждения. Тем самым возникает классическая ошибка «учетверения терминов», поскольку в первой посылке термин «знать» употребляется в смысле «знать, согласно скептическому стандарту знания», а во второй – «знать, согласно обыденному стандарту знания».

К контекстуализму близка позиция Д. Э. Мура в споре с идеализмом. Суть доказательства о существовании внешнего мира Мура состоит в том, что идеализм, по мнению Мура, навязывает неоправданно завышенные эпистемические стандарты. Аргумент Мура против идеализма может быть сведен к следующему рассуждению.

Посылка 1. Вот одна рука (машет правой рукой).

Посылка 2. Вот вторая рука (машет левой рукой).

Заключение. Существует, по крайней мере, два предмета независимо от нашего сознания. Следовательно, существует мир, независимый от нашего сознания.

В свою очередь, аргумент идеалистов Мур сводит к следующим шагам.

Посылка 1. Всякое знание должно отвечать таким-то и таким-то критериям (знание не должно ошибаться при всех возможных обстоятельствах, в т.ч. что мы спим, нас обманывает декартовский Злой Демон и т.д.).

Посылка 2. Знание о том, что у меня есть руки, не соответствует этим критериям.

Заключение. Никто не знает, что у него есть руки и т.д.

Мур, а вместе с ним ЭК, отвергают первую посылку. Почему всякое знание должно отвечать критериям, предлагаемым скептиком? Проблема скептика в том, что он принимает теорию познания, которая сильно суживает то, что может быть знанием. В то же время, позиция Мура о том, что только здравый смысл должен быть исходной позицией для всякого философского рассуждения, с точки зрения ЭК, также будет неверной. Правильная позиция будет выглядеть как конъюнкция следующих двух высказываний.

1. Утверждение реалиста о том, что мир существует, истинно (с точки зрения относительно низких эпистемических критериев здравого смысла).

2. Утверждение реалиста о том, что мир существует, ложно (с точки зрения чрезмерно требовательных к обоснованию скептических критериев).

ЭК выводит на первый план фигуру того, кто приписывает или отрицает знание у субъекта.

Для выхода из скептического тупика ранее была предложена теория значимых альтернатив (theory of relevant alternatives) Ф. Дретске (Dretske) [12], в определенной мере ставшая предтечей ЭК. Согласно этой теории, чтобы знать что-то, необходимо исключить все значимые (и только) альтернативы. Например, если в зоопарке я вижу перед собой зебру, то я не могу исключить альтернативу, что я вижу перед собой лошадь, выкрашенную в полосу (при условии, что я не специалист по зебрам). Но если у меня нет особых причин так думать, поэтому эта альтернатива не значима, следовательно, я знаю, что вижу перед собой зебру. Это альтернатива может стать значимой, если я узнаю о фактах, что в зоопарках наблюдается недостаток зебр, и они часто используют крашенных лошадей, чтобы обмануть доверчивую публику. В этом случае я не смогу исключить эту альтернативу, и тогда истинным будет то, что я не знаю, что передо мной стоит зебра. В случае с кейсом «Банк», если я знаю то, что за последние две недели хотя бы один банк, ранее работавший по субботам, перестал работать по субботам, тогда альтернатива, описанная в случае Б, становится значимой – в противном случае, она не является значимой. Теория значимых альтернатив может быть совместима и с контекстуализмом, если выбор значимых альтернатив будет зависеть от эпистемического контекста, и с инвариантизмом, если не будет.

Основной вопрос к ЭК заключается в том, не является ли он еще одним клоном релятивизма? Чем он отличается от концепций «языковых игр» Витгенштейна, «языковых каркасов» Карнапа, «эпистемологического анархизма» Фейерабенда? Этот вопрос закономерен, поскольку ЭК сам использует термины «релятивность», «релятивизировать» и т.д. На наш взгляд, есть серьезные основания, почему релятивисты не могут принять ЭК в версии ДеРоуза. Релятивисты и ЭК сходятся в том, что любое знание основывается на определенных предпосылках («правилах игры», «языковых каркасах», «парадигмах» и т.д.), но релятивисты говорят, что мы:

- 1) не можем (и, следовательно, не должны) критически исследовать эти предпосылки, потому что
- 2) они несравнимы, и
- 3) между ними нельзя сделать обоснованный выбор.

На самом деле, основным здесь является п. 2, поскольку из него логически вытекает п. 3, а из п. 2 и п. 3, вместе взятых, логически следует п. 1. С точки зрения ЭК ДеРоуза, п. 2 не верен, поскольку разные эпистемические

контексты обладают разной «силой». Все контексты ДеРоуз как бы располагает на *единой* шкале. Можно говорить о «более» и «менее» требовательных к уровню обоснованности контекстах. Критерий уровня обоснованности можно сформулировать следующим образом: какие альтернативы субъект может позволить себе исключить в данном контексте. Возьмем конкретный пример и продемонстрируем, как работает этот критерий в трех эпистемических контекстах: обыденном, научном и философско-скептическом. Пусть вопросом будет: Земля вращается вокруг Солнца, или Солнце вращается вокруг Земли? В «обыденном» контексте человек исключает альтернативу, что его повседневный опыт ошибается, поскольку он привык жить, основываясь на своем повседневном опыте, а он показывает, что Солнце движется, а человек находится на месте. Ученый не может исключить альтернативу, что его повседневный опыт может быть истолкован по-разному, кроме того, его теория должна быть простой и удобной, а геоцентрическая концепция таковой не является. Поэтому, ученый повышает стандарт обоснованности, и утверждение, что Солнце вращается вокруг Земли, уже не соответствует этому стандарту. Однако ученый убежден, что Солнце, равно как и Земля, существуют независимо от его сознания. Он исключает альтернативу, что все мы «мозги в бочке» (иначе, зачем заниматься наукой, если не стремишься узнать что-то о мире). Философ скептик не исключает эту альтернативу. Он сомневается в том, что существует мир, существуют другие люди и даже он сам. Он повышает стандарт обоснованности так высоко, как только это возможно, чтобы не исключить ни одной мыслимой альтернативы.

Таким образом, ЭК позволяет сравнивать между собой различные эпистемические стандарты. Кроме того, ЭК вводит прагматический критерий – риск ошибки. Это позволяет объяснить, почему субъект может оценивать свое знание с точки зрения различных стандартов, что противоречит п. 3 релятивиста. Следовательно, мы можем сравнивать различные контексты и оценивать их применимость в различных ситуациях. В известном споре Диогена с Зеноном по вопросу о том, есть ли движение, первый, как известно молчаливо прошелся перед судьями, за что ему присудили победу. Но судьи были неправы, поскольку требовалось представить аргумент, соответствующий философским стандартам обоснованности. А по этим стандартам, выиграл Зенон. И, наоборот, философ-скептик за пределами лекционной аудитории (т.е. в обыденном контексте) будет выходить в дверь, а не в окно, общаться с другими людьми и т.д., т.е. действовать в соответствии с требованиями здравого смысла, а не философской теории.

Несмотря на определенную привлекательность, ЭК стал предметом критики. В данной статье мы обозначим лишь два возможных направления критики. Первая линия связана с семантикой термина «знать», которую предлагает ЭК. Вторая линия связана с прагматическим контекстом оценки истинности высказываний.

ЭК как теория и метод исследования находится на стыке эпистемологии и философии языка. Для эпистемологов ЭК может вызывать сомнение уже потому, что имеет дело не самим знанием, а с семантикой термина «знать». Но даже контекстуальный анализ семантики термина «знать» вызывает возражения. Таким образом, первая линия критики ЭК исходит от философии языка. Представим себе такой мысленный диалог контекстуалиста с субъектом в кейсе «Банк»:

- Знаешь ли ты, что завтра банк будет работать?
- Да, знаю.
- Подумай тщательнее, ведь от этого зависит твоё финансовое положение.
- Ок, я не знаю.
- Хорошо. Вот тебе много денег. Все твои финансовые проблемы решены. Знаешь ли ты теперь, что завтра банк будет открыт?
- Ой, теперь я, кажется, снова знаю.

Согласитесь, что услышать такой диалог было бы весьма странно. Компетентный носитель языка скажет, что так нельзя употреблять термин «знать».

Проанализируем также конъюнкцию: «Гора Эверест, Эйфелева башня и баскетболист Майкл Джордан – высокие». С точки зрения ЭК, оно должно быть ложным, так как баскетболист не может быть достаточно высоким для телебашни, а телебашня достаточно высокой для горы. Однако это высказывание не нарушает никаких лингвистических конвенций.

Г. Каппелен (Cappelen) и Е. Лепоре (Lepore) критикуют семантику ЭК с позиций семантического минимализма. Данная позиция ограничивает контекстуально зависимые термины только остенсивно определенными выражениями («Я», «здесь», «сейчас» и т.п.). Например, «высокий» нельзя считать контекстуально-зависимым термином, иначе мы уходим в бесконечный регресс контекстов. Если «высокий» означает (в контексте) «высокий для жирафа», то что значит «быть высоким для жирафа»? Какого жирафа – всякого или определенной породы? Жирафа-самца или самки? Как мерить высоту жирафа: от копыт до кончиков ушей или до кончика носа? и т.д. [8, p. 197-221].

Вторая линия возможных возражений связана с прагматическим уклоном ЭК. Анализируемые авторами кейсы имеют дело, в основном, с практическим знанием. Знание *p* можно определить как практическое, если оно является причиной для действия. В кейсе «Банк» для меня представляет практический интерес, будет ли открыт банк в субботу. Однако возникает вопрос, играют ли роль прагматические соображения в научном поиске, целью которого является получение истинного знания самого по себе? Не будет ли более правильным сказать, что в научном поиске эпистемические стандарты всегда остаются стабильно высокими (хотя не такими высокими, как для философского скептика). Рассмотрим следующий кейс:

Кейс «Физик» А. Физик *x* исследует сложное явление *y*, которое невозможно измерить прямыми методами. Для измерения данного явления *y* существует несколько косвенных методов. Косвенные методы менее надежны и связаны с риском ошибки. Обычно, для подтверждения результатов физик *x* достаточно использования не более чем двух независимых косвенных методов. Допустим, что после измерения данного

явления с помощью двух методов физик *x* получил совпадающий результат *p*. Существует еще и третий метод, но он очень трудоемкий и затратный. Фактически, если использовать этот метод, исследование затянется не меньше, чем на три месяца. Поскольку, у физика нет особых оснований сомневаться в полученном результате, то он делает вывод, что он знает, что *p*, и отправляет результат для публикации в научном журнале.

Кейс «Физик» Б. Все то же самое, что и в кейсе А, но, предположим, что данное исследование проводится по очень большому гранту, и от того, будет ли получен правильный результат, зависит то, получит ли физик финансирование на следующий год. Причем предполагается, что финансирование будет увеличено вдвое. Физик знает, что экспертиза результатов будет очень тщательной, и если заявленный результат будет найден ошибочным, он рискует не получить новое финансирование. Предположим также, что этот физик находится в крайне стесненных финансовых обстоятельствах. Более того, он задолжал большую сумму денег, и продление гранта на будущий год позволило бы ему решить все свои финансовые проблемы. Ввиду вышеизложенного, физик приходит к выводу, что он не знает, что *p*. Он решает, что ему необходимо перепроверить результаты с помощью третьего метода, несмотря на то, что для этого потребуется дополнительное время, значительные усилия и материальные затраты.

Является ли кейс Б правдоподобным? Представляется все же, что это не так. На наш взгляд, если физик уверен в результате в случае А, то он будет уверен в результате и в случае Б. Если же он сочтет, что есть вероятность, что результат окажется неверным, то и в случае А он прибегнет к использованию дополнительного метода, так как в любом случае на кону его репутация как профессионального ученого. Здесь более обоснованной кажется точка зрения (реалистического) инвариантизма.

Анализ ответов на эту критику заслуживает отдельного исследования, которое выходит за рамки данной статьи. Несмотря на все возражения, ЭК поднимает ряд важных проблем. Во-первых, это проблема семантики термина «знать». Так, уже простой анализ языковых выражений, которые содержат слово «знать», говорит о том, что его значение не фиксировано: «я точно знаю», «знаю с определенной вероятностью», «ты говоришь, что знаешь, но на самом деле ты этого не знаешь» и т.д. Во-вторых, это связь эпистемического контекста с языковой прагматикой: необходимость учета рисков, связанных с принятием той или иной позиции по какому-либо вопросу. В-третьих, это перспективы различения эпистемических контекстов для опровержения радикального скептицизма. Дискуссия вокруг ЭК продолжается.

Список литературы

1. Антоновский А. Ю. Семантический контекстуализм и проблема нестандартного определения знания // Эпистемология и философия науки. М., 2010. Т. 26. № 4.
2. Вострикова Е. В. Семантика vs. прагматика: современные подходы // Эпистемология и философия науки. М., 2011. Т. 30. № 4.
3. Галиева А. М. Дискуссия: перевод как источник нового термина // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». Казань, 2010. Т. 152. № 10.
4. Касавин И. Т. Контекстуализм как методологическая программа // Эпистемология и философия науки. М., 2005. Т. 6. № 4.
5. Лисина Ю. А. О контекстуальности познания в современной англо-американской философии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 86.
6. Тайсина Э. А. Теория познания. Интродукция и рондо капричиозо. СПб.: Алетейя; Вертолет-Медиа, 2013.
7. Тайсина Э. А. Язык не бывает нейтральным // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». Казань, 2012. Т. 154. № 6.
8. Cappelen H., Lepore E. A Tall Tale: in Defense of Semantic Minimalism and Speech Act Pluralism // Contextualism in Philosophy. Knowledge, Meaning and Truth / ed. by G. Preyer and G. Peter. Oxford: Clarendon Press, 2005. 402 p.
9. Contextualism in Philosophy. Knowledge, Meaning and Truth / ed. by G. Preyer and G. Peter. Oxford: Clarendon Press, 2005. 402 p.
10. DeRose K. Contextualism and Knowledge Attributions [Электронный ресурс] // Philosophy and Phenomenological Research. 1992. Vol. 52. № 4 (Dec.). P. 913-929. URL: <http://www.jstor.org/stable/2107917> (дата обращения: 18.04.2013).
11. DeRose K. The Case for Contextualism. Oxford: Clarendon Press, 2009. 302 p.
12. Dretske F. Epistemic Operators [Электронный ресурс] // The Journal of Philosophy. 1970. Vol. 67. № 24 (Dec.). P. 1007-1023. URL: <http://www.jstor.org/stable/i309228> (дата обращения: 18.04.2013).
13. Ludlow P. Contextualism and the New Linguistic Turn in Epistemology // Contextualism in Philosophy. Knowledge, Meaning and Truth / ed. by G. Preyer and G. Peter. Oxford: Clarendon Press, 2005. 402 p.
14. The Routledge Companion to Epistemology / ed. by S. Bernecker and D. Pritchard. N. Y.: Taylor and Francis, 2011. 938 p.
15. Unger P. Philosophical Relativity. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. 143 p.

CONTEXTUALISM, SKEPTICISM, PRAGMATICS

Karimov Artur Ravilevich, Ph. D. in Philosophy
Kazan' (Volga Region) Federal University
anthropology.ksu@mail.ru

The author analyzes epistemic contextualism in K. DeRose's formulation, reveals its origins in P. Unger's theory, determines its main provisions, analyzes specific examples, where context determines the conditions of sentences validity containing epistemic modality "to know", reveals the relationships of epistemic context with language pragmatics, and considers epistemic contextualism as a possible way of radical skepticism overcoming.

Key words and phrases: epistemology; context; epistemic contextualism; invariantism; skepticism; pragmatics.